

ДЮНГЕРЯ

ДНЕВНИК СОЛДАТА

Война, о которой мы знаем не все.
История, рассказанная в одноименном фильме.

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Дюнкерк

«АСТ»

2017

УДК 94(100)1940
ББК 63.3(2)62

Дюнкерк / «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-104507-4

К 22 июня 1941 года перед Гитлером уже пали Франция, Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Греция и Югославия. Англия целый год в одиночестве обороняла свой остров, не зная, придет ли в конце концов ей кто-нибудь на помощь или нет. Сражения шли в Африке и Азии, в войну были вовлечены десятки стран... Но эта книга, конечно, не о том, чей вклад в Победу был весомее. А просто попытка рассказать о еще одной трагической и героической странице Второй мировой войны. Той войны, которую мы до сих пор слишком плохо знаем.

УДК 94(100)1940

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-17-104507-4

, 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Мишаненкова

Дюнкерк

Предисловие

Всем известно, что Вторую мировую войну выиграли мы. Это вам любой скажет.

А в Англии любой скажет, что войну выиграли они.

Что скажут в США, и так всем известно. И этот список можно продолжать и продолжать.

О чем на самом деле говорят такие категоричные утверждения? Прежде всего, даже не о патриотизме, а о том, как во всем мире изучают историю.

У нас принято ругать западные страны за то, что они присваивают себе Победу, мало знают о вкладе в нее Советского Союза и вообще принижают роль Восточного фронта и преувеличивают роль Западного. Эти упреки вполне обоснованны.

Вот только и у нас дело обстоит не лучше.

Простой вопрос: какие операции и сражения Второй мировой войны, в которых не принимали участие советские войска, вы помните из школьной программы? Подозреваю, если вы не историк и не изучали историю Второй мировой еще где-то помимо школы, на память в лучшем случае придет Нормандская операция (открытие второго фронта). Ну и нападение на Перл-Харбор, спасибо голливудскому фильму.

Битва за Британию, Битва за Атлантику, Южно-французская операция, Арденнская операция, Дюнкеркская операция, прорыв Линии Зигфрида – в этих операциях гибли десятки тысяч человек, совершались подвиги и решались судьбы государств. В Англии, Франции, США и многих других странах ими гордятся, о них пишут книги и ставят фильмы. А что мы о них знаем? Почти ничего.

Да что там, большинство российских школьников вообще уверены, что Вторая мировая война началась 22 июня 1941 года. А что еще хуже – многие взрослые думают так же.

Не умаляя ни на секунду великий подвиг советской армии и всего советского народа, понесшего в этой войне невообразимые потери, все-таки надо всегда помнить: воевали не только мы. И война была не только Великой Отечественной, но еще и Второй мировой. К 22 июня 1941 года перед Гитлером уже пали Франция, Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Греция и Югославия. Англия целый год в одиночестве обороняла свой остров, не зная, придет ли в конце концов ей кто-нибудь на помощь или нет. Сражения шли в Африке и Азии, в войну были вовлечены десятки стран...

Но эта книга, конечно, не о том, чей вклад в Победу был весомее. А просто попытка рассказать о еще одной трагической и героической странице Второй мировой войны. Той войны, которую мы до сих пор слишком плохо знаем.

Глава 1

Война началась

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут утра немецкая армия без объявления войны вторглась в Польшу. Вторая мировая война началась.

О нападении Германии на Польшу, бомбардировке Варшавы, Кракова и других городов в Лондоне и Париже узнали почти сразу. Польский министр иностранных дел Юзеф Бек позвонил Кеннарду, английскому послу в Варшаве, и сообщил ему, что началась война между Германией и Польшей.

Весь мир замер в ожидании дальнейших действий Англии и Франции, еще недавно гарантировавших Польше немедленную помощь в случае немецкой агрессии.

Конечно, беспокоили эти вероятные действия и Гитлера, но не так чтобы очень сильно. Почему? Для того, чтобы это понять, стоит вернуться на одиннадцать месяцев назад, когда 1 октября 1938 года Лондон восторженно встречал премьер-министра Англии Невилла Чемберлена, возвратившегося из Мюнхена после переговоров с Гитлером. Выйдя из самолета, он объявил: «Я привез мир нашему поколению!» И предъявил договор, в соответствии с которым Британия и Германия обязались впредь никогда не воевать друг с другом. Чехословакия, которую Англия еще недавно обещала защищать, была принесена в жертву политике умиротворения Гитлера, о чем стыдливо старались не вспоминать.

В палате общин Чемберлена тоже встретили как героя. Мюнхенские соглашения, которые позже красноречиво называли «Мюнхенским сговором», были ратифицированы подавляющим большинством голосов. Против выступили всего несколько человек, в том числе Первый лорд Адмиралтейства Дафф Купер, который в тот же день подал в отставку, и Уинстон Черчилль, произнесший по этому поводу одну из лучших своих речей.

«Мы потерпели полное поражение, – говорил он. – Условия, которые привез нам премьер-министр, могли быть получены обычными дипломатическими путями в любой момент еще летом. И больше того, если бы чехов с самого начала предоставили самим себе и сразу предупредили, что им нечего рассчитывать на какую-либо помощь Запада, они добились бы для себя лучших условий; в любом случае, условий хуже быть просто не может... Вот увидите, что через какое-то время, которое может занять годы, но может и месяцы, Чехословакия будет полностью поглощена нацистским режимом... Наш народ должен знать, что мы потерпели поражение без войны, и его последствия будут долго преследовать нас на нашем пути. И не думайте, что все закончилось; это только начало сведения счетов, первый глоток, первые капли из горькой чаши, из коей нам предстоит еще не раз испить, год за годом, если только резкий подъем военной мощи и духа нации не поможет нам встать на защиту нашей свободы, как в былые времена».

Но его уже давно никто не слушал. Мнение людей, стоявших тогда во главе Англии, о возможной войне точнее всего выразил все тот же Чемберлен: «Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Еще более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны».

В палате общин шутили, что предостережения Черчилля стали такими же привычными, как голос муэдзина в пустыне. Звучат себе и звучат фоном, никому не мешают. Но Черчилль не зря всегда верил в силу слов – даже если их не слушают, они все равно не пропадают бесследно. Так и произошло.

В середине марта немецкие войска заняли Прагу, Мюнхенские соглашения, подписанные всего несколько месяцев назад, превратились в пустую бумажку. Мир словно прозрел – почти всем вдруг стало совершенно очевидно, что политика «умиротворения», от которой еще недавно общество было в полном восторге, оказалась роковой ошибкой, у Гитлера хватит наглости разорвать любые соглашения. Война была уже на пороге.

И вот тогда вспомнили о Черчилле и его предостережениях. Он и правда не напрасно сотрясал воздух, не обращая внимания на насмешки и равнодушие. Теперь, когда его пророчества сбывались у всех на глазах, он из шута превратился в пророка. Все настойчивее зазвучали требования вернуть его в правительство – уже в мае, по данным влиятельного агентства «Gallup», этого хотели 56 % британцев (в марте эта цифра составляла всего около 7 %).

«Над Европой воцарилась тишина. Что это за тишина? Увы! Это тишина тревожного ожидания, а для многих стран это тишина отчаянного страха. Прислушайтесь! Только прислушайтесь хорошенько! Слышите этот звук? Лично я слышу его вполне отчетливо, а вы? Это топот солдатских сапог по хрустящей гальке учебных плацев, по размокшей глине невспаханых полей – это шум шагов двух миллионов немецких солдат и более миллиона итальянцев...» – говорил Черчилль 8 августа 1939 года.

Но сторонники умиротворения во главе с Чемберленом упрямо держались за надежду все-таки договориться с Гитлером. Черчилль безуспешно пытался достучаться до товарищей по партии и убедить их, что сейчас куда перспективнее заключить союз Великобритании, Франции и СССР. Сам он сумел отодвинуть в сторону свою ненависть к коммунизму еще в 1938 году, когда советский посол обратился к нему с просьбой довести до министерства иностранных дел предложения СССР. «Черчилль, конечно, был антикоммунистом № 1 в королевстве, – пишет его биограф Франсуа Керсоди, – но прагматичного Иосифа Сталина подобные мелочи не смущали: враг моего врага – мой друг, а Черчилль считался врагом Гитлера уже пять лет».

В 1939 году такие переговоры все же начались, но только для вида – ни Чемберлен, ни его сторонники не желали договариваться с Советским Союзом... потому что такой альянс мог рассердить Гитлера. К тому времени уже, кажется, все поняли бессмысленность политики умиротворения, но кабинет министров продолжал упорно за нее цепляться. Польшей негласно решено было пожертвовать, на нее давили, заставляя уступить требованиям Гитлера. Одновременно Германии предложили значительные экономические льготы в обмен на заключение англо-германского пакта о ненападении.

24 августа 1939 года стало известно о заключении пакта Молотова – Риббентропа. Ни в Лондоне, ни в Париже никто не ожидал такого поворота – пока они тянули время, пытаясь умиловить Германию и сравить ее с СССР, те заключили между собой договор, оставив Францию и Англию с их «умиротворением» в дураках. Но даже это не заставило Чемберлена и его сторонников пересмотреть свою политику. Они все еще рассчитывали как-то договориться с Гитлером. А поскольку они были у власти, Англия продолжала двигаться все тем же безнадежным курсом.

Находились они у власти и 1 сентября 1939 года, когда пришло время принимать решение. Через несколько часов после начала военных действий британский посол Гендерсон нанес визит в германский МИД и сообщил Риббентропу: «Если германское правительство не даст правительству Е. В. удовлетворительных заверений в том, что оно прекратит всякие агрессивные действия против Польши, и не готово незамедлительно отвести войска с польской территории, то правительство Е. В. в Соединенном Королевстве без колебаний выполнит свои обязательства по отношению к Польше». Через полчаса ноту похожего содержания Риббентропу вручил и французский посол. Более того, король Георг VI и французское правительство в тот же день подписали указы о мобилизации армии, флота и авиации.

Вот только, выполнив эти официальные маневры, английское и французское министерства иностранных дел поспешили заверить Берлин, что ноты носят предупредительный

характер и на самом деле вовсе не являются ультиматумами. Одновременно Чемберлен и премьер-министр Франции Даладьё обратились к Муссолини с просьбой о посредничестве, рассчитывая провести новую конференцию Англии, Франции, Германии и Италии, на которой надеялись вновь договориться о мирном разрешении проблем. Польшей, разумеется, пришлось бы пожертвовать, и все это понимали.

Но на дворе был уже не 1938 год. Открытый отказ от выполнения своих обязательств в отношении Польши вызвал бы негодование в самой Англии. Министр иностранных дел лорд Галифакс в телефонном разговоре 3 сентября сказал: «Если премьер-министр появится там [в парламенте] без того, чтобы было сдержано обещание, данное Польше, то он может натолкнуться на единодушный взрыв негодования и кабинет будет свергнут».

Поэтому 2 сентября Гендерсон от имени английского правительства уже в ультимативной форме потребовал от Германии прекращения военных действий в Польше и отвода германских войск. Ультиматум гласил: «Наступление Германии на Польшу продолжается. Вследствие этого имею честь сообщить вам, что если сегодня до 11 часов по английскому времени правительству Е. В. в Лондоне не поступит удовлетворительный ответ, то, начиная с указанного часа, оба государства будут находиться в состоянии войны». Вслед за Англией так же поступила и Франция.

3 сентября Гендерсон и французский посол Кулондр пришли за ответом к Риббентропу. Тот сообщил им: «Германия отвергает ультиматум Англии и Франции и возлагает на их правительства ответственность за развязывание войны». Кулондр ответил: «В этих условиях я должен, по поручению моего правительства, напомнить вам в последний раз о тяжелой ответственности, падающей на германское правительство, начавшее военные действия против Польши без объявления войны и не уступившее настойчивой просьбе английского и французского правительств об отводе германских войск с польской территории. Я должен выполнить неприятную миссию и сообщить вам, что французское правительство, начиная с 17 часов сегодняшнего дня, в соответствии со своими обязательствами по отношению к Польше, считает себя в состоянии войны с Германией».

В тот же день лорд Галифакс передал представителю Германии ноту, в которой говорилось: «Сегодня в 9 часов утра посол его величества в Берлине уведомил по моему указанию германское правительство, что если сегодня, 3 сентября, до 11 часов по английскому летнему времени правительству его величества в Лондон не поступит удовлетворительного ответа от германского правительства, то начиная с указанного часа оба государства находятся в состоянии войны. Поскольку таких заверений не поступало, честь имею сообщить, что оба государства начиная с 11 часов 3 сентября находятся в состоянии войны».

Это же был вынужден повторить и Чемберлен, когда в тот же день выступал в палате общин. «Сегодня, – говорил он, – печальный день для всех нас, и особенно для меня. Все, для чего я трудился, все, на что я так надеялся, все, во что я верил в течение всей моей политической жизни, превратилось в руины».

Черчилль по этому поводу произнес очередную речь: «Мы не просто хотим отвоевать у Германии Данциг или освободить Польшу. Наша задача – спасти весь мир от эпидемии нацизма и защитить общечеловеческие ценности. Мы вступаем в войну не ради мирового господства, имперских амбиций или материальной выгоды. Мы не собираемся лишать жителей враждебных нам стран надежды на счастье и благополучие. В ходе нынешней войны мы будем бороться за незыблемость прав личности, за возрождение и утверждение человеческого достоинства». Теперь над ним уже никто не смеялся. А после окончания заседания Чемберлен предложил ему вновь занять должность Первого лорда Адмиралтейства.

Из мемуаров Гая Пенроуза Гибсона, «Впереди вражеский берег»¹.

Америка уже заявила, что это европейская война. «Нас это не касается». Россия подписала пакт с Германией. Остальные дружески настроенные державы сохраняли строгий нейтралитет. Было похоже, что Англии и Франции придется отдуваться за всех.

Я не был кадровым военным. В 1936 году я поступил в Королевские ВВС только для того, чтобы научиться летать. В апреле я собирался уйти с военной службы, чтобы стать летчиком-испытателем – это была хорошая работа, за которую недурно платили. Но Муссолини сломал все мои планы, когда вторгся в Албанию. А теперь Гитлер скомкал весь мой летний отпуск, причем, похоже, на много лет вперед.

Англия была не готова к войне, в этом никто не сомневался. Хотя Королевский Флот что-то лепетал о непроницаемой блокаде, которая через 6 месяцев поставит Германию на колени, хотя британский лев обзавелся крыльями, серьезно ли все это? Мы имели совсем немного бомбардировщиков, в основном «Веллингтоны» и «Хэмпдены», хорошо еще, что сохранились добрые старые «Уитли». Но ни один из них не мог нести достаточно много бомб, и лишь отдельные экипажи умели находить цели. Штурманское дело было поставлено из рук вон плохо. Большую часть истребительной авиации составляли «Гладиаторы» и «Харрикейны I». Эскадрильи «Спитфайров», «Тайфунов» и «Ланкастеров» пока что витали только в мечтах конструкторов.

У нас было совсем немного летных школ, да и те находились в пределах досягаемости германских бомбардировщиков. Имперская программа подготовки летчиков еще не была приведена в действие. Что же могло произойти вследствие этих проволочек? Не придется ли нам сражаться постоянно тающими силами, пока у нас вообще не останется ничего? Последние из пилотов с военным опытом, которые еще служили в Королевских ВВС, говорили, что средняя продолжительность жизни пилота бомбардировщика составляет 10 часов полета. В таком случае, у нас не было будущего. Что будет твориться в городах и на заводах, которые Германия начнет бомбить с первого дня войны? Мы не имели никакой серьезной ПВО. Этим летом один бригадный генерал пригласил меня на учения армейских зенитчиков, которые пытались сбивать беспилотные самолеты-мишени. Я согласился и в течение двух часов наблюдал, как армейские зенитчики выпускают сотни снарядов по маленькому биплану, который мотался взад и вперед у них над головами на высоте 5000 футов. Они стреляли просто отвратительно, и мишень не была даже поцарапана. Лишь когда она пошла на посадку, офицер управления не справился с ней, и мишень врезалась крылом в море. Тогда один из армейских офицеров, не скрывая гордости, заявил:

«И все-таки в конце концов мы ее прикончили!»

При этом он даже не покраснел, глядя в лицо офицеру ВВС, который должен был отремонтировать мишень для продолжения учений на следующий день.

Состояние армии было просто ужасным – почти нет танков, современного вооружения, нет подготовленного личного состава, хотя не армия была в том повинна. Да посмотрите на наших соотечественников! Они громко возмущались, когда мы летали над Лондоном, пытаясь научиться перехватывать ночные бомбардировщики. Они называли нас нахальными плейбоями! Вялая апатия и сытое благодущие вполне могли поставить Британскую империю на колени, если вообще не разнести ее на кусочки!

В 1936 году ВВС начали увеличиваться, но этот процесс шел мучительно медленно, и даже сегодня мы были ненамного сильнее, чем в 1938 году.

Мюнхен. Ну и зрелище! Но, может быть, Чемберлен все-таки был прав, кто знает? Единственное, в чем я уверен: слава богу, что мы не ввязались в войну в 1938 году.

¹ Гай Пенроуз Гибсон – командир 617-й эскадрильи британских Королевских ВВС, получившей в 1943 году прозвище «Разрушители плотин». Погиб в 1944 году.

А что можно сказать о нашем союзнике – Франции? В июле мы совершили полет в Марсель и обратно через Париж и Лион, чтобы «показать флаг». По пути мы посетили несколько аэродромов, но нигде не видели ни единого французского самолета. Куда же все они делись? Никто не знал. Похоже, что французское правительство не меньше нашего приложило руку к развалу обороноспособности своей страны.

После объявления войны Англией и Францией в войну с Германией вступили британские колонии и доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Индия, Южно-Африканский Союз и Канада. Германия оказалась в состоянии войны с коалицией стран Британской империи, Францией и Польшей.

Однако фактически военные действия происходили только на территории Польши. А на Западном фронте шла так называемая «странная война», во время которой союзники² не вели никаких активных действий против немецкой армии.

Гитлер правильно оценил руководство Англии и Франции, когда заявил своим приближенным: «Хотя они и объявили нам войну... это не значит, что они будут воевать в действительности». Дальше формального объявления войны Германии дело еще долго не двигалось. Правительства Англии и Франции все еще рассчитывали, что Гитлер, разгромив Польшу, двинется на Советский Союз, а они полюбуются на долгожданную схватку коммунизма с фашизмом.

Между тем Гитлер времени зря не терял. Уже 5 сентября немецкие армии форсировали реку Нарев, заняли Польский коридор, вышли к Лодзи. Была захвачена промышленная Силезия, окружен Краков, а 8 сентября немецкие танки подошли к Варшаве. Когда оборона столицы была еще в самом разгаре, польское правительство эмигрировало в Румынию. Следом за ним отправились десятки тысяч беженцев. 17 сентября американский корреспондент У. Ширер написал в своем дневнике: «Весь день ехал из Берлина через Померанию и Коридор, чтобы добраться сюда. Дороги забиты колоннами германских моторизованных частей, возвращающихся из Польши... Взято 450 тыс. пленных, захвачено 1200 орудий, уничтожено либо захвачено 800 самолетов. Через 18 дней после начала войны не осталось ни одной целой польской дивизии или хотя бы бригады». 30 сентября сложил оружие гарнизон Варшавы, насчитывавший сто двадцать тысяч офицеров и солдат.

На то, чтобы захватить Польшу, Гитлеру понадобилось всего четыре недели.

Немцы понесли весьма небольшие потери в этой молниеносной кампании: около тридцати тысяч убитыми и пропавшими без вести и тридцати тысяч ранеными.

Тактически эта короткая кампания имела выдающееся значение. Уже сама быстрота ее говорит об этом. Она не только явилась практической проверкой возможности нападать, быстро парализуя силы противника; всем, кто мог здраво судить о тактике, она показала, что в механизированной войне важнее быстрота, а не огневая мощь. Следовательно, цель нападения – не столько уничтожение, сколько внесение смятения в ряды неприятеля. Быстрота дала возможность немцам выполнить свои планы, и, напротив, отсутствие этой быстроты у поляков помешало им перестроить свои планы.

Исход кампании был решен не численным превосходством, а быстротой совместных действий авиации и танковых частей...

...Кампания показала, что перед лицом атаки танковых и моторизованных сил линейная оборона устарела. Любая форма линейной обороны независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неод-

² Союзниками традиционно называют Англию, Францию и прочие страны, воевавшие во Второй мировой войне против Германии.

нократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наилучшим видом обороны: когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки. В этом случае обороняющийся напоминает человека, который стоит, вытянув вперед руки, перед боксером, занявшим боевую позицию; чтобы защитить себя или ударить, он должен сначала притянуть руки к туловищу. Далее, германо-польская война показала, что части прикрытия, в задачу которых входит наблюдать за противником и задерживать его, а не ввязываться в решительную схватку, должны обладать очень большой подвижностью, чтобы быть в состоянии быстро наступать и отступать. Они также должны располагать сильными противотанковыми средствами.

Наконец, кампания ясно показала, что в тактических условиях, созданных танковыми и моторизованными войсками, когда маневр стал быстротечным, командование должно быть гораздо больше децентрализовано, чем раньше, чтобы низестоящие командиры могли самостоятельно принимать немедленные решения. Взаимодействие должно устанавливаться на основе общего замысла действий, а не пунктуального выполнения плана. Быстрота в значительной степени заменила методичность исполнения, но быстрота, подчиненная единой цели, ясно понятой всеми участниками операции.

Фуллер Дж. Ф. Ч., Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор.

Увы, блестяще реализованный Германией польский блицкриг ничему не научил Англию и Францию. И в скором времени немецкая армия повторила и на них все то, что уже было так хорошо отработано в Польше. Но это произошло через несколько месяцев, а пока на Западном фронте продолжалась «странная война»

Немецкий агент во Франции Жан Ибарнегаре писал: «Бомбардировщики, бороздящие небо, но не сбрасывающие бомб, безмолвствующие пушки и рядом с ними горы боеприпасов, стоящие лицом к лицу огромные армии... не имеющие, очевидно, никакого намерения начать сражение». Так оно и было – французское командование запретило обстреливать немецкие позиции, практически бездействовал и знаменитый британский военно-морской флот. Что касается авиации, то она занималась тем, что бомбардировала Германию... листовками. «А в это же самое время какие-то неудачники проводили ночные налеты на Рейх, – писал Гай Гибсон, – но в их самолетах не было бомб. Они либо вели разведку, либо сбрасывали листовки, советуя немцам сдаться или свергнуть Гитлера, или то и другое сразу. В Манчестер долетали слухи, как парни занимались этим, хотя подобными полетами хвастаться не приходится».

И это при том, что французская армия в то время гордо именовалась сильнейшей армией в мире – в первые же дни войны во Франции под ружье были поставлены 110 дивизий, имевших 2560 танков, 10 тысяч орудий и около 1400 самолетов. Плюс во Франции высадился британский экспедиционный корпус, состоявший из пяти дивизий и имевший на вооружении около полутора тысяч самолетов.

Между тем противостоящая им немецкая группа армий «Ц» на 1 сентября 1939 года насчитывала максимум 31 дивизию. Причем, по мнению германского историка Н. Формана, из них «только 11 кадровых пехотных дивизий могли быть названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны. К тому же часть из них находилась на пути к району сосредоточения. Группа армий не имела ни одного танка, ни одного моторизованного соединения».

Другие немецкие историки, как и непосредственные участники военных действий, в основном тоже согласны, что, если бы англо-французские войска в то время решились на наступление, Германия мало что могла бы им противопоставить. Генерал Вестфаль вспоминал:

«У военных специалистов волосы становились дыбом, когда они думали о возможности французского наступления сразу же в начале войны». А начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Гальдер писал: «В сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встретив серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны».

Однако Гитлер был твердо уверен, что на Западном фронте реальных военных действий не предвидится, и бросил все силы на Польшу. Он оказался прав. Позднее Черчилль в своих мемуарах с горечью признавал: «Весь мир был поражен, когда за сокрушительным натиском Гитлера на Польшу и объявлением Англией и Францией войны Германии последовала гнетущая пауза... Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу».

О масштабах же военных действий во Франции красноречиво свидетельствуют цифры: только 9 декабря 1939 года английская экспедиционная армия понесла первую жертву – был убит один капрал. Общие французские потери к концу декабря 1939 года составили 1433 человека. Что же касается немецких войск на Западном фронте, то там насчитывалось менее 700 человек в числе убитых, раненых и пропавших без вести. И это за четыре месяца Второй мировой войны.

Во Франции тем временем росли капитулянтские настроения. Во французском парламенте был создан секретный «комитет связи», представители которого добивались переговоров с Гитлером. Да и в Англии премьер-министр Чемберлен и его сторонники продолжали лелеять надежду, что удастся избежать войны и направить германскую агрессию в сторону Советского Союза. А Гитлер, в свою очередь, старательно поддерживал их в этом заблуждении. В октябре 1939 года он даже выступил в рейхстаге с заявлением о своих усилиях к улучшению отношений с Англией и Францией и 6 октября в очередной раз повторил: «Германия ни при каких обстоятельствах не нарушит неприкосновенность границ Бельгии и Голландии». Но поскольку при этом он требовал признания всех территориальных захватов Германии и передела колоний, ни о какой реальной договоренности с западными державами и речи быть не могло.

Впрочем, Гитлеру этого и не требовалось. Он хотел выиграть время, что ему прекрасно удавалось. Период «странной войны» в полной мере был использован им в качестве стратегической паузы, которая позволила Германии успешно реализовать Польскую кампанию, после чего перебросить войска на запад, захватить Данию и Норвегию, а также подготовиться к вторжению во Францию.

Уже 7 октября генерал Браухич по указанию Гитлера предложил своим командующим группами армий осуществить все приготовления для немедленного вторжения на территорию Голландии и Бельгии, если этого потребует политическая обстановка. А 9 октября в Директиве № 6 Гитлер приказал: «Подготовить наступательные операции через люксембургско-бельгийско-голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее... Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории...»

Первоначально нападение на Бельгию Гитлер назначил на 12 ноября 1939 года. Тогда речь еще не шла о полном разгроме, немецкая армия должна была только выдавить союзников из Голландии и Бельгии, что обеспечило бы большую безопасность промышленным районам Германии. Причем, союзники об этом плане знали – еще в конце октября бельгийцев предупредил Гёрделер один из антинацистских заговорщиков, а 5 ноября еще один заговорщик, немецкий полковник Остер, сообщил о грядущем наступлении голландскому и бельгийскому военным атташе в Берлине. Но тут вмешались несколько случайностей – сначала наступление

отложили из-за плохой погоды, потом перенесли на 17 января 1940 года, но его снова пришлось отложить, потому что 10 января немецкий самолет сбился с курса, совершил вынужденную посадку в Бельгии, и все планы наступления на западе попали в руки бельгийцев.

В итоге Германия и вовсе изменила направление первого удара. Вместо Бельгии в качестве первых жертв на Западном фронте были выбраны Дания и Норвегия.

9 апреля 1940 года германские войска заняли Копенгаген, после чего вступили в Норвегию. Датское правительство капитулировало. А вот захватить Норвегию оказалось не так просто. Несмотря на то что норвежская армия насчитывала всего около пятнадцати тысяч человек, она оказала мужественное сопротивление. И если бы Англия и Франция оказали ей реальную помощь, еще неизвестно, как бы все обернулось. Но после нескольких дней фактического бездействия союзников в Норвегии высадились всего два британских десанта, да и те пришлось через несколько дней эвакуировать, тем более что время было упущено – действовавшие там сторонники Гитлера уже помогли немецкой армии захватить все ключевые позиции. Норвегия пала.

«К концу апреля стало понятно, что в Норвегии все кончено, – писал Гай Гибсон, который поучаствовал в Норвегии в первой британской бомбардировке этой войны. – Мы начали эвакуировать войска из Тронхейма. Доставлять снабжение в Норвегию под постоянными бомбежками оказалось невозможно. Сначала наши солдаты отступали, а теперь были вынуждены вообще эвакуироваться. Бедняги! Мне было их жаль. Они сражались во всех войнах и все войны выиграли. Можно иметь авиацию. Можно иметь флот. Но только пехота способна занять вражескую территорию, и только пехота может уйти оттуда, теряя людей и теряя честь».

Удивительно, но союзники только постфактум поняли, что сама Норвегия Гитлера не слишком интересовала, удар был направлен против Англии и ее морского могущества. Приобретенные норвежские порты, где можно было держать большой флот, позволили ему держать под контролем пролив между Францией и Англией. К тому же престиж Германии после этой быстрой победы и оккупации Дании и Норвегии очень сильно вырос. Многие нейтральные страны поверили в непобедимость Гитлера.

Ну а в Англии, наконец, пришел конец правлению Чемберлена. Открывшиеся еще 7 мая прения в палате общин по вопросу о ведении войны в Норвегии и проведенное 9 мая голосование показали, что правительство не пользуется больше доверием парламента.

Но было уже поздно. Как пишет Федор Волков в книге «Тайное становится явным»: «Восьмимесячный период «странной», или «сидячей», войны с ее окопной тишиной, самолетами, мирно парящими над Сааром, футбольными матчами у линии фронта, неспешно идущими поездами с боеприпасами и вооружением по обе стороны Рейна закончился. Гитлер и его генералы перешли от «сидячей войны» (Sitzkrieg) к «молниеносной» (Blitzkrieg). Разгромив Данию и Норвегию, немецкие генералы двинули свои войска на запад».

Гитлер считал, что у него уже достаточно сил для блицкрига против союзников, и в 5 часов 35 минут 10 мая 1940 года сухопутные войска вермахта начали вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург.

В тот же день в Англии Чемберлен подал в отставку, и премьер-министром был назначен Уинстон Черчилль. Его не любили в партии консерваторов и вообще в кругах британской политической элиты. Но все понимали, что Томас Джонс, бывший секретарь кабинета министров, был абсолютно прав, когда говорил: «В правительстве только Уинстону под силу поднять народ. А наш премьер-министр словно неживой, бесцветный какой-то, по его тону непонятно, говорит ли он о стойкости, о победе или о поражении».

И действительно, когда Черчилль закончил свое первое выступление в качестве премьер-министра, в палате общин воцарилась гробовая тишина, за которой последовали бурные овации – многие члены парламента даже повскакивали с мест и аплодировали ему стоя. Теперь никто уже старался не вспоминать о том, как еще несколько месяцев назад над речами Чер-

чилля против умиротворения Германии и предупреждениями о грядущей войне смеялись, а сами его выступления то и дело прерывали язвительными шутками.

Я выношу на рассмотрение палаты предложение одобрить такой состав правительства, который позволил бы нашей нации проявить несгибаемую решимость и довести войну с Германией до победного конца...

...Я решил обратиться к членам палаты с теми же словами, которые я уже адресовал новому правительству: «Все, что я могу вам предложить, – это кровь, тяжкий труд, слезы и пот».

Нам предстоят тяжелейшие испытания. Нас ждут многие месяцы затяжных боев и жестоких страданий. Вы спросите: что мы намерены делать? Я отвечу: вести войну на море, на суше и в воздухе, собрав в кулак всю мощь и всю силу, которой наделил нас Господь, самоотверженно бороться против чудовищной тирании, чей скорбный список страшных преступлений против человечества не имеет равных по протяженности за всю мировую историю. Вот что мы намерены делать. Вы спросите: какова наша цель? Я отвечу просто: наша цель – победа, победа любой ценой, победа, несмотря на страх и страдания, победа, какой бы длинной и трудной ни была дорога к ней; потому что любой иной исход сулит нам неминуемую гибель. Нам пора осознать: гибель грозит Британской империи и всему, что она собой олицетворяет, гибель ждет взлелеянные прошлыми поколениями мечты о лучшем будущем для человечества. Но я принимаюсь за дело с оптимизмом и надеждой. Я уверен в том, что грядущие поколения по достоинству оценят наши подвиги. Сейчас я чувствую себя вправе обратиться за помощью и поддержкой ко всем и каждому и воззвать: «Придите, и да выступим мы все вместе единой силой!»

Из первой речи Уинстона Черчилля в палате общин в качестве премьер-министра, 13 мая 1940 года.

Смена премьера благотворно сказалась на британской политике, но то, что это произошло именно 10 мая, сыграло на руку Гитлеру. Удивительно, но несмотря на все предупреждения о предстоящем нападении на Бельгию, которые продолжали поступать из Германии, когда оно все же произошло, союзники оказались застигнуты врасплох. В Лондоне вообще всем было не до того, какая там Бельгия, когда у них голосование, вотум недоверия правительству, смена премьера и тому подобные важные дела. Как писал У. Ширер в «Крахе нацистской империи»: «Французский и английский штабы впервые услышали о немецком нападении, когда тишину предрасветного утра разорвал грохот немецких самолетов и визг пикирующих бомбардировщиков...»

Немецкая авиация после ожесточенной бомбардировки Гааги и Роттердама сбросила на территории Голландии около четырех тысяч парашютистов. На захваченные десантниками аэродромы были переброшены транспортными самолетами и планерами двадцать две тысячи немецких солдат. С помощью заранее подготовленных тайных агентов из числа немецких сторонников в Голландии диверсанты захватили мосты на реке Маас и два моста южнее Мурдейка и вывели из строя систему затопления местности перед голландской линией обороны. Одновременно с этими операциями две немецкие бронетанковые колонны форсировали Маас и начали наступление в глубь страны.

11 мая после массированных бомбардировок у голландской авиации осталось всего двенадцать самолетов. И хотя голландская армия продолжала сражаться, 14 мая верховное командование страны отдало приказ о капитуляции.

Бельгия также не могла оказать серьезного сопротивления. Как и в Голландии, немецкое командование сбросило там парашютистов, посеявших хаос и захвативших стратегически важные мосты и переправы. Началась паника. «Страх, передача по радио сообщений о звер-

ствах обратили в паническое бегство бельгийское население, – писал Фуллер, – и сотни тысяч беженцев пересекли французскую границу. Дороги были забиты людьми и машинами, железнодорожные станции осаждали, распространялись всевозможные слухи, продовольственные склады и склады горючего подвергались разграблению. Царило такое всеобщее смятение, что переброски войск замедлялись, а в некоторых случаях становились невозможными. На этой волне ужаса немцы устремились к Брюсселю и через Арденны».

Между тем за время «странной войны» Франция и Англия стянули к границе с Германией немалые силы. На 10 мая 1940 года расположение армий было следующим: на севере Франции от побережья Ла-Манша до линии Мажино стояла 1-я группа армий в составе 40 дивизий под командованием генерала Биллотта; линию Мажино занимала 2-я группа армий из 26 дивизий под командованием генерала Преталя; против швейцарской границы и Приморских Альп располагалась 3-я группа армий в составе 36 дивизий под командованием генерала Бессо. Всего у французов насчитывалось 102 дивизии, из которых 32 находились в резерве и были разбросаны позади линии фронта. Плюс 1-я группа армий включала в себя кроме французских войск также еще и британский экспедиционный корпус лорда Горта.

По словам Ширера, планы союзников ответить на немецкое наступление в Бельгии начали осуществляться почти без задержек в первые два дня. Огромная англо-французская армия устремилась на северо-восток с франко-бельгийской границы, чтобы занять главную оборонительную линию вдоль рек Диль и Маас восточнее Брюсселя. Именно этого и добивалось высшее немецкое командование, ибо массированный обходный маневр союзников был ему крайне выгоден. Англо-французские войска, не осознавая этого, шли прямо в западню, что вскоре и привело союзные армии к полной катастрофе.

О какой западне речь? Дело в том, что границы Франции были на самом деле почти неприступны. Их защищала линия Мажино – лучшая в мире цепь укреплений, тянувшаяся на 400 километров. Прорвать ее было практически невозможно. «Линия была волнорезом, отводившим поток немецких войск в Бельгию, – писал А. Дж. П. Тейлор в книге «Вторая мировая война». – По сравнению с линией Мажино бельгийские укрепления ничего не стоили. До 1936 года Франция была союзником Бельгии и по крайней мере могла рассчитывать на франко-бельгийское военное сотрудничество. Затем Бельгия перешла на позиции нейтралитета. Граница между Францией и Бельгией была длиннее, чем линия Мажино, ее укрепление обошлось бы немисливо дорого, и французы этим заниматься не стали. Таким образом, бельгийский нейтралитет был единственной их защитой от Гитлера. Вряд ли достаточной».

Но получилось, что линия Мажино вместо того, чтобы стать защитой Франции, стала ее ахиллесовой пятой – французское командование настолько верило в ее неприступность, что даже не рассматривало других направлений будущего удара немецких войск, кроме как в обход, через Бельгию. Между тем германское командование выбрало другой путь – нанесло удар танковыми армиями через Арденны, что во Франции считалось невозможным. Союзники и опомниться не успели, как немцы ударили им в тыл, разгромили, разделили армию на небольшие группы и обратили в бегство.

Глава 2

От Арденн до Дюнкерка

Так что же получается? Франция, Бельгия и Англия сосредоточили на границе с Германией огромную, прекрасно вооруженную и оснащенную армию, ничем не уступающую немецкой, кроме разве что боевого духа. Границы Франции были защищены лучшими в мире укреплениями. Более того, в распоряжении союзного командования были немецкие планы наступления, которые уже и шпионы присылали, и курьеры теряли, кажется, не хватало только, чтобы Гитлер лично вручил их на серебряном блюде.

И при этом Франция была разгромлена всего за несколько дней, а остатки ее армии вместе с британскими войсками оказались блокированы на небольшом пятачке земли около Дюнкерка. Почему? Как это могло случиться?

Прежде всего, как это ни странно, дело было в тех самых планах, которые то и дело попадали в руки союзного командования. Потому что планов у немцев было два. И по какому из них они будут действовать, никто точно не знал.

Главкомандующий французской армией генерал Морис Гамелен считал само собой разумеющимся, что немцы поведут наступление через Фландрскую низменность – плохо укрепленную равнинную территорию в Бельгии, которую все считали естественными воротами во Францию. Именно так Германия действовала в Первой мировой войне. И действительно, поначалу так и планировалось. В октябре 1939 года, когда Гитлер объявил о своем намерении напасть на Францию, Генеральный штаб составил первую версию плана «Гельб», за основу которого был взят план Шлиффена 1914 года. По этому плану главный удар должна была наносить группа армий «В» – ударить через Голландию и Бельгию, сокрушить оборону в районе Брюсселя и прорвать франко-бельгийскую границу на равнинах Фландрии. Вспомогательный удар должен был наноситься через Люксембург – с целью сковать французские резервы и создать угрозу линии Мажино.

Гитлер был недоволен планом, он указал южнее, на Арденны, и спросил: «А здесь можно пройти?» Генералы ответили, что нельзя, если не будет уверенности, что ударные силы союзников двинутся в Бельгию. Поскольку такой уверенности не было, а Гитлер хотел атаковать как можно скорее, он отказался от этой идеи и, как уже говорилось, назначил наступление на 12 ноября 1939 года.

Когда после всех отсрочек и переносов даты наступления немецкие планы попали в руки французского командования, Гамелен поступил именно так, как, по идее, и должен был – он отправил большую группу войск поближе к Бельгии.

А тем временем в Германии начальник штаба группы армий «А» Эрих фон Манштейн разработал новый план, согласно которому наступление должно было вестись в центре, через Арденны. По этому плану группа армий «В» под командованием фон Бока должна была быстро оккупировать Голландию и прорваться через Бельгию и Северную Францию, имитируя старый план. Если фон Боку удастся зайти за французские части с севера, то он непременно будет угрожать Парижу. Если французы и англичане встанут на его пути и даже оттеснят на восток, они окажутся в ловушке. На левом фланге группа армий «С» должна была заставить французов защищать линию Мажино и тем самым сковать их силы. Решающий же удар переносился в зону действия группы армий «А», которая имела в своем составе 44 дивизии и две трети всех германских танков и должна была прорваться через Арденны, захватить переправы через реку Сомму, пройти между Седаном и Динаном, а потом повернуть на северо-запад по долине Соммы до Амьена, Абвиля и побережья Ла-Манша. То есть фактически разрезать Францию быстрым ударом на две части.

Манштейна не слишком хотели слушать в Генеральном штабе, но он через их головы обратился лично к Гитлеру. Тот пришел в восторг, предложения Манштейна были приняты в разработку и в результате стали итоговой версией плана «Гельб».

Во Франции об этом плане тоже слышали, да французские военные специалисты и сами изучали все свои слабые места, в том числе участок границы в Арденнах. Гамелен какое-то время даже отстаивал версию, что немцы ударят именно там. Но в итоге он послушался этих самых специалистов, утверждавших, что массированный танковый удар в такой местности, как Арденны, невозможен, и, переведя оттуда войска поближе к Бельгии, практически оголил этот участок границы. Англичане слабо пытались возражать, но, как вспоминал в своих мемуарах Черчилль, слишком уж критиковать французов, чья армия по силе в десять раз превосходила английскую, они не решились. «Французы полагали, что Арденны были непроходимы для больших современных армий, – писал он. – Маршал Петэн заявил военной комиссии сената: «Этот сектор не опасен».

Откуда такая уверенность? Удивительно, но из практического военного опыта. Иногда он бывает только лишним, особенно если это опыт двадцатилетней давности.

Есть такой старый студенческий анекдот. Преподаватель спрашивает:

– Расскажите, как началась Вторая мировая война.

Студент:

– Кругом огонь, дым и танки, танки, танки!

Шутки шутками, но танк действительно стал неким символом Второй мировой войны. И первое, что приходит в голову большинству людей, когда идет речь о войне, – это танковые сражения, многократно показанные в хрониках и художественных фильмах.

Поэтому сейчас очень сложно представить, что в 1939 году значение танков в предстоящей войне очень сильно недооценивалось всеми, кроме немцев. «Опыт войны 1914–1918 годов с затяжными действиями на стабильном фронте считался непреложным и в период между войнами. Во время Первой мировой войны появился на свет танк. Однако самый характер войны не давал возможности полностью проявиться всем его возможностям. В Англии, Франции, а потом и в Германии некоторые дальновидные люди сумели понять возможности танка – но только в Германии, во вновь созданной армии, нашлись люди, способные реализовать то, что предвидели их предшественники... В 1939 году в немецкой армии считали, что танки способны совершать стремительные и глубокие прорывы в глубь территории противника, что авиация может их поддерживать, а если потребуется, и снабжать, что механизированная артиллерия может двигаться вместе с танками и что моторизованная пехота может взаимодействовать с ними и удерживать захваченное ими пространство. Сегодня это представляется азбучной истиной, но тогда это была новая идея»³.

Подводя некий промежуточный итог, можно сказать, что судьба французской армии была предрешена еще до начала немецкого наступления. Просто потому, что из двух планов Франция придерживалась устаревшего, основываясь на опыте Первой мировой войны, а Германия – современного, основываясь на опыте успешного использования танков в польской кампании. Как позже заметил Черчилль: «Естественные препятствия не мешали немцам проложить путь через Арденны. Наоборот, они полагали, что современные механические транспортные средства и широкая организация дорожного строительства превращают этот район, дотоле считавшийся непроходимым, в наиболее короткий, верный и легкий для проникновения во Францию и срыва всего французского плана контрнаступления».

В результате 10 мая группа армий «А», следуя плану «Гельб», начала свое движение через Арденны и к 12 мая дошла до Мааса, в то время как основные силы союзников все это

³ Здесь и далее цитируется «Девять дней Дюнкерка» Дэвида Дивайна.

время двигались в Бельгию, тем самым попав в капкан. Вскоре им пришлось думать уже не о том, как удержать Бельгию, а о том, как из нее выбраться.

Из мемуаров Гая Пенроуза Гибсона, «Впереди вражеский берег».

Я потянулся и включил радио, чтобы услышать обо всем этом подробнее. Наши войска начали наступление, чтобы спасти Бельгию. Линия Мажино была и осталась неприступной. Немецкие танки едут сами собой. Однако военный комментатор неосторожно заметил, что как бы далеко ни заехал танк, рано или поздно у него кончится горючее. А кроме того, прорвавшиеся танки можно отрезать от главных сил и легко уничтожить. Он заверял публику, что нет никаких оснований для беспокойства, хотя противник и вклинился в наши линии. Это совершенно обычное дело на войне, и обе стороны подвергаются серьезному риску. Эти новости немедленно подняли всех на ноги. Никто не понимал, чему можно верить, а чему – нет.

Слишком свеж был в памяти безудержный оптимизм Норвежской кампании. И потому мы готовились к самому худшему. Все увольнения были отменены, а эскадрилья была приведена в получасовую готовность.

13–14 мая немецкие войска, пройдя южную часть Бельгии, вышли на франко-бельгийскую границу. 14 мая семь танковых дивизий переправились через Маас. Еще пять моторизованных дивизий были на подходе к Седану. И наконец две последние танковые дивизии должны были через несколько дней прибыть в зону действий 4-й армии. Момент внезапности удалось полностью использовать, все трудности местности и технического осуществления операции были успешно преодолены немецкой армией.

«Танковая армия, невиданная в истории войн по своей численности, концентрации боевой техники, мобильности и ударной мощи, которая начала продвижение от немецкой границы еще 10 мая, тремя колоннами, растянувшись на сотни километров, теперь прорвалась через французские 9-ю и 2-ю армии и устремилась к Ла-Маншу, оставив союзные войска в Бельгии, – пишет Ширер. – Это была грозная, неумолимая сила. Ее появлению предшествовали следовавшие одна за другой атаки пикирующих бомбардировщиков, которые обрабатывали французские оборонительные рубежи; на месте переправ через реки и каналы кишмя кишели саперы и понтонеры, ставившие на воду резиновые лодки и наводившие понтонные мосты; у каждой танковой дивизии имела своя самоходная артиллерия и по одной бригаде мотопехоты; а непосредственно за танковыми корпусами шли дивизии моторизованной пехоты с целью закрепиться на позициях, захваченных танковыми частями, – такую махину из стали и огня невозможно было остановить теми средствами, которыми располагали ошеломленные обороняющиеся».

На стокилометровом фронте между Седаном и Намюром располагались в основном французские резервные дивизии первой и второй очереди. Они были не в состоянии отразить натиск немецких войск. Противотанкового оружия эти дивизии почти не имели. Против ударов с воздуха они были тоже беспомощны. Уже 15 мая 9-я французская армия, находившаяся между Седаном и Намюром, была полностью разбита и откатилась на запад. Соединения 2-й французской армии, которые находились южнее Седана, контратаками пытались остановить прорыв немецких войск.

Но самый главный удар по армии союзников был нанесен у Седана, и было в этом что-то знаковое, почти мистическое – ведь в Первой мировой войне главное поражение французов тоже произошло именно там. Утром 14 мая две танковые дивизии из 19-го танкового корпуса генерала Гудериана быстро пересекли Маас по понтонному мосту и нанесли удар в западном направлении. Нельзя сказать, что союзники недостаточно сопротивлялись – англичане потеряли сорок самолетов, а французы – семьдесят танков, пытаясь разрушить этот мост. Но все было безнадежно. К вечеру немцы намертво укрепились у Седана, заняв там плацдарм длиной 15 км и глубиной 10 км, а французские войска на центральном участке обороны союзников

оказались разгромлены. Те, кто не попал в окружение или в плен, обратились в беспорядочное бегство.

Первым понял, что произошло, французский премьер Поль Рейно. Утром 15 мая он позвонил Черчиллю и сказал: «Мы разбиты: мы проиграли сражение». Черчилль ему не поверил: «Но ведь это не могло случиться так скоро?» Рейно ответил: «Фронт прорван у Седана, они устремляются в прорыв в огромном количестве с танками и бронемашинами». Французское командование пока еще пыталось что-то сделать, но к вечеру того же дня генерал Гамелен был вынужден признать, что это катастрофа. Впрочем, в любом случае было уже поздно исправлять положение. Голландия капитулировала, Бельгия отбивалась из последних сил, а французские войска были вынуждены начать отступление по всей линии фронта.

16 мая Черчилль вылетел в Париж на «фламинго» – одном из трех правительственных пассажирских самолетов. Во время заседания французских и английских политических и военных руководителей в саду министерства иностранных дел горел гигантский костер. Черчилль мрачно наблюдал из окна посольства, как чиновники на тачках подвозили к костру архивы и бросали их в огонь. Дым от горящих документов разлетался по Парижу, а вслед за ним распространялся панический слух, что министерство горит, а здание уже занято немецкими парашютистами. Жители покидали столицу, забив все дороги, ведущие на юг.

Черчилль спросил Гамелена: «Где стратегический резерв?» Гамелен ответил, что резерва нет. Но Черчилль настаивал: «Когда и где вы собираетесь контратаковать?» Гамелен сказал: «У нас меньше численность, хуже оснащение, слабее методы». «Меня представили как настаивавшего на том, чтобы не отводить северные армии, а, наоборот, контратаковать ими, – вспоминал потом Черчилль. – Я действительно так думал. И я, и находившиеся со мной английские офицеры были поражены явным убеждением французского главнокомандующего и ведущих министров в том, что все потеряно, и все то, что я говорил, являлось моим категорическим оспариванием этого мнения. Однако нет никакого сомнения в том, что они были абсолютно правы и что совершенно необходимо было как можно скорее отходить на юг. Вскоре это стало ясным для всех».

Черчилль пытался воодушевить французов, обещал, что во Францию будут направлены десять эскадрилий истребителей, и даже получил по телефону согласие Военного кабинета. Однако когда он вернулся в Англию, оказалось, что это было легче обещать, чем сделать. Сэр Хью Даунинг, командующий истребительной авиацией, настаивал, что для обороны Англии ему и так нужно почти в два раза больше самолетов, чем у них есть, а если еще посылать во Францию, то скоро вообще ничего не останется. В конце концов Военный кабинет с ним согласился, и было решено, что британские эскадрильи начнут действовать над французской территорией, но базироваться там не станут, а будут вылетать туда с английских баз. Впрочем, через пару дней спорить было уже не о чем – во Франции почти не осталось мест для базирования британских самолетов, да и в самой Англии авиабазы сильно пострадали.

Из мемуаров Гая Пенроуза Гибсона «Впереди вражеский берег».

А тем временем битва во Франции принимала все более неблагоприятный оборот. Германские войска быстро захватили Голландию. Парашютисты, переодетые монахинями и крестьянками (по крайней мере, так говорят), захватили важные объекты. Немцы глубоко вторглись на территорию Франции. Германские танковые войска обошли обороняющихся и сейчас просто сгоняли их в кучу, как пастух собирает свое стадо. Они нанесли удар в Арденнском лесу и отбросили французов от Меца и крепости Седан, которая быстро пала под ударами пикирующих бомбардировщиков. Их самолеты полностью господствовали над полем боя. Нам сообщили, что французский Генеральный штаб попросил англичан прислать истребители, но мы решили сохранить в целостности свои ВВС метрополи. Позднее выяснилось, что это было мудрое решение...

...Ситуация в Бельгии и Франции продолжала ухудшаться, но в Англии постоянные туманы закрывали аэродромы, поэтому божья воля помешала нам участвовать в боях. Зато фрицы в это время начали проводить налеты на английскую территорию, хотя пока еще небольшими силами. Группа из 12 бомбардировщиков Do-17 пересекла йоркширское побережье возле Уитнерси и атаковала большую авиабазу в Морпете. Это был прекрасный аэродром, напоминающий Скэмптон, но «Дорнье» прекрасно сделали свое дело. Они разбомбили все 4 ангара и уничтожили все крупные здания, включая офицерскую столовую, мастерские и кухню. Уцелела только сержантская столовая – либо немцы промазали, либо у них просто кончились бомбы. Немцы могли быть довольны результатами. Так, наверное, и было.

Тем временем группа армий «В» под командованием фон Бока усиливала давление на отходившие к реке Шельда бельгийские, британские и французские войска. 17 мая немцы заняли Брюссель. А в районе прорыва у Седана через образовавшуюся брешь во французской обороне продолжали вливаться танковые силы немецкой армии. Они двигались в двух направлениях: на запад, на Амьен, чтобы перерезать коммуникации союзных сил в Бельгии, связывавшие их с основными армиями во Франции, и на юг, на Реймс, чтобы перерезать и захватить коммуникации французских армий на линии Мажино.

9-я французская армия беспорядочно отступала на запад. 18 мая к вечеру она перестала существовать, а ее командующий попал в плен. Далее на западе, кроме тыловых частей и местных гарнизонов, никаких сил союзников не было. Правда, немцы этого не знали – они не могли поверить, что французскую армию так легко победить. Поэтому немецкий Генеральный штаб был уверен, что в глубине страны сосредотачиваются стратегические резервы противника, которые могут нанести удар в северном направлении. 18 мая начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта Гальдер записал в дневнике: «Фюрер, непонятно почему, озабочен южным флангом. Он беснуется и кричит, что можно погубить всю операцию и поставить себя перед угрозой поражения».

И действительно – немецкие войска, прорвав оборону союзников, рассекали французскую армию на две части и теперь фактически оказались между двух огней. Согласованные удары группы союзных армий в южном направлении и встречный удар французских сил с рубежа реки Соммы могли бы изменить ход событий. Но для организации такого контрудара нужны были энергичные меры и согласованность в действиях командования. А между тем бардак только усиливался.

Приказ генерала Гамелена № 12, объявленный 19 мая, предписывал, чтобы северные армии, избегая окружения, любой ценой пробивались на юг к Сомме, атакуя танковые дивизии, которые перерезали их коммуникации. А 2-я армия и недавно сформированная 6-я должны были атаковать к северу в направлении Мезьера. Это могло бы сработать, но увы, это был последний приказ Гамелена – только он более-менее разобрался в обстановке, как его тут же сняли.

Еще 18 мая 1940 года французский премьер Рейно произвел изменения в составе правительства. В числе прочего вице-председателем совета министров был назначен престарелый маршал Петэн – сторонник договора с Гитлером. Сам Рейно взял себе портфель министра национальной обороны. А 19 мая был отстранен от командования генерал Гамелен. На пост главнокомандующего французскими сухопутными, морскими и воздушными силами был назначен генерал Вейган.

В тот же день, 19 мая, неизвестный автор написал в своем дневнике: «15 час. Поступили сообщения, что германские танки в Амьене. Похоже на нелепый кошмар. Британский экспедиционный корпус отрезан. Мы лишились коммуникаций... Немцы идут на любой риск, на преступный глупейший риск, и все им сходит с рук... они делают все, что не сделали бы грамотные в военном отношении люди, и все же добиваются своего. Французский Генеральный штаб

парализован этой необычной подвижной войной. Нынешние быстро изменяющиеся условия не предусмотрены в учебниках. Ответственные за составление планов французские генералы с их мышлением, не выходящим за рамки того, что было в 1914 г., неспособны действовать в новой и удивительной обстановке».

Наша главная задача заключается не в том, чтобы выиграть одно сражение, а в том, чтобы победить в этой войне. Как только накал противостояния во Франции уменьшится, начнется битва за наш остров, за Британию, за ее устои, ценности и традиции. Вот за что нам предстоит сражаться! В этих чрезвычайных обстоятельствах мы должны без колебаний предпринимать все необходимые шаги, какими бы радикальными они ни были; мы должны требовать от народа полной отдачи и напряжения всех сил. Интересы частных собственников и нормативы продолжительности рабочего дня не имеют никакого значения, когда идет борьба за жизнь и честь, за права и свободу, защищать которую мы с вами поклялись.

Я получил от руководства Французской Республики и, в частности, от ее энергичного премьер-министра господина Рейно самые искренние заверения в том, что, какие бы испытания ни ждали французов, они будут сражаться до конца – до полного разгрома или триумфальной победы. Но уж если мы решили сражаться до конца, то нам не к лицу соглашаться ни на что другое, кроме триумфальной победы!

...Наступил один из самых страшных эпизодов в многовековой истории Франции и Британии. Хотя в то же время, без сомнения, это самый славный ее эпизод. Встав плечом к плечу, не имея никакой поддержки со стороны, кроме разве что помощи, оказываемой братскими нациями наших доминионов и находящихся под нашим протекторатом далеких империй, британский и французский народы взяли на себя миссию спасения не только Европы, но и всего человечества от самой омерзительной и страшной тирании из всех, которые когда-либо оставляли свой грязный след в истории. За спиной Британии и Франции – за нашими спинами, за спинами наших солдат и моряков – ищут защиты напуганные и порабощенные народы, чья государственность уничтожена: чехи, поляки, норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы – все те, чья жизнь окончательно погрузится во тьму варварства, у кого не останется никакой надежды, если мы потерпим поражение в этой войне. И потому мы должны победить! И потому мы обязательно победим!

Из первого выступления Уинстона Черчилля по радио в качестве премьер-министра, 19 мая 1940 года.

20 мая немецкие танковые дивизии, заняли Амьен и Абвиль и вышли к побережью Ла-Манша. Группировка французских, бельгийских и английских войск в Бельгии оказалась окончательно отрезанной от основных французских армий, находившихся южнее Соммы. «Речь шла уже не о вклинении или временном прорыве, – говорил лорд Горт, командовавший британскими войсками во Франции, – а об осаде». Разделив армию союзников на две неравные части, Гитлер поставил перед вермахтом задачу уничтожить прижатые к проливу французские, английские и бельгийские войска и начать подготовку к наступлению в центральную Францию, которое должно было привести его к окончательной победе над союзниками.

А французы все теряли время. Генерал Вейган плохо представлял обстановку, поэтому, прежде чем принимать какие-то решения, хотел посоветоваться с союзными командующими в Бельгии. В результате 22 мая он пришел к тому решению, что и Гамелен три дня назад. «Это были правильные решения», – вспоминал потом Черчилль, но тут же с горечью напоминал, что этот приказ об общем отступлении северных армий на юг запоздал, по меньшей мере, на четыре дня. На севере были блокированы около сорока французских, английских и бельгийских дивизий, получивших боевой опыт, и если бы они ударили в южном направлении через немецкий танковый клин 19 мая, как приказал Гамелен, то могли бы вырваться из западни.

И все-таки союзники попытались провести контрудар. 21 мая под Аррасом две английские дивизии и одна бронетанковая бригада ударили по превосходящим силам противника и отбросили немецкие части на несколько километров к югу. Гитлеровское командование, опасаясь, что это начало крупного контрнаступления, спешно стало перебрасывать подкрепления. Однако эти опасения были напрасными. К тому времени англичане и французы окончательно потеряли возможность быстрой коммуникации и действовали крайне неслаженно. Французы даже не знали, что Горт старался вырваться из немецкого окружения. Поэтому к вечеру английское наступление, не получив помощи, захлебнулось. 22 мая перешли в наступление две французские дивизии, но к тому времени английское командование уже приказало отступить. Вслед за ними так же пришлось поступить и французам. Так закончилась первая и последняя попытка прижатых к морю союзных войск выйти на соединение с основными силами.

23 мая танковый корпус Гудериана, блокировав Булонь и Кале, вышел на рубеж канала Аа примерно в 20 км от Дюнкерка – последнего крупного порта, еще находившегося в руках прижатой к Ла-Маншу англо-французской армии. С падением Дюнкерка блокированные войска потеряли бы единственный путь снабжения и возможность эвакуации.

Глава 3

Эвакуация – планы и практический опыт

14 мая в утренней программе новостей радиостанция Би-би-си сделала объявление: «Согласно распоряжению Адмиралтейства, все владельцы самоходных прогулочных судов длиной от 30 до 100 футов обязаны в течение четырнадцати дней представить подробные сведения о своих судах, если последние еще не сданы ими или не реквизированы».

Означало ли это, что Англия уже начала готовиться к эвакуации своей армии? Вряд ли. Судя по мемуарам очевидцев и непосредственных участников событий, тогда никто еще не ожидал, что французская армия будет так легко разбита и ее остаткам придется бежать в Англию вместе с британским экспедиционным корпусом. Наоборот, как было сказано в предыдущей главе, английские политики во главе с Черчиллем были полны энтузиазма, и даже когда французское командование сообщило, что они потерпели поражение, еще достаточно долго не хотели в это верить и рассчитывали на контрнаступление.

Так что это объявление было совершенно обычной, чисто административной мерой, предпринятой Адмиралтейством с прицелом на отдаленное будущее. Руководство резервом малых судов было в его компетенции, а поскольку Великобритания все-таки островное государство, все понимали, что в условиях войны чем больше будет под рукой кораблей, судов и лодок, тем лучше. Это распоряжение было подготовлено еще даже до начала наступления – 10 мая. Несколько дней оно шло через обычные инстанции Адмиралтейства, и 14-го числа дело, наконец, дошло до официального объявления. О том, что эту меру тогда еще никто не считал особо важной и срочной, говорит и то, что владельцам судов было дано целых две недели для представления сведений. И уж тем более никто не подозревал, что эта административная мера поможет спасти тысячи жизней.

Серьезно об эвакуации заговорили только 19 мая, когда опасность сложившегося положения уже не вызвала сомнений. Первым это предложение озвучил генерал Горт, после того как обсудил ситуацию со своим французским начальством⁴ и узнал, что придется отступить к Сомме. В том, что им удастся туда пробиться, он очень сомневался, поэтому вечером 19 мая сообщил в Англию, что, возможно, придется подумать об эвакуации. В министерстве обороны сразу же было созвано совещание, на котором присутствовал адмирал Рамсей – именно ему предстояло руководить морской операцией, если она потребует.

На французском берегу были три порта, из которых можно было проводить эвакуацию, – Кале, Булонь и Дюнкерк. После изучения обстановки было принято решение максимально использовать порты Кале и Булонь, поскольку обеспечить прикрытие с воздуха Дюнкерка было труднее. Были рассмотрены три варианта:

1) постепенная эвакуация личного состава, не нужного больше английским экспедиционным силам в связи с изменившейся обстановкой, в количестве двух тысяч человек в день, начиная с 20 мая;

2) возможность срочной эвакуации личного состава баз, госпиталей и т. п., в общей сложности около пятнадцати тысяч человек, начиная с ночи на 22 мая;

3) экстренная эвакуация крупных контингентов войск.

Впрочем, даже тогда в то, что появится необходимость в третьем варианте, мало кто верил.

⁴ В англо-французских войсках была сложная система командования, по которой получалось, что генерал Горт подчинялся одновременно и своему британскому руководству, и французскому командующему.

Тем не менее, разрабатывать решили все три варианта. На всякий случай. Было решено использовать для эвакуаций коммерческие суда, а поскольку руководство операциями было полностью возложено на адмирала Рамсея, ему поручили изучить вопрос о количестве судов, могущих действовать из этих трех французских портов, и установить, можно ли в случае крайней необходимости использовать дополнительные пункты погрузки для малых судов.

В тот же день, 19 мая, генерал Гамелен, прежде чем его успели снять с должности командующего, направил руководству французского флота телеграмму, в которой говорилось: «Хотя обстановка не требует немедленного принятия таких мер, было бы предусмотрительно сразу же приступить к сбору транспортов для эвакуации некоторых частей, хотя и невозможно заранее установить количество необходимых судов и порты погрузки».

19-го (в 4 часа 30 минут пополудни) нам сообщили, что лорд Горт «изучает возможность отхода к Дюнкерку, если он будет вынужден это сделать». Начальник Имперского генерального штаба Айронсайд не мог принять этого предложения, поскольку он, как и большинство из нас, считал правильным движение на юг. Поэтому мы послали его к генералу Горту с указаниями двинуть английскую армию в юго-западном направлении и пробиваться через любые препятствия с целью соединиться на юге с французами, с тем чтобы бельгийцы присоединились к этому маршу или, в случае отказа, согласились на эвакуацию как можно большего числа бельгийских войск через порты Ла-Манша. Связь даже с генералом Гортом прерывалась и была затруднительной, но нам сообщили, что он имеет лишь четырехдневный запас продовольствия, а боеприпасов хватит только для одного боя.

На совещании военного кабинета утром 20 мая мы снова обсуждали положение нашей армии. Даже при условии успешного отхода с боями к Сомме я считал вполне вероятным, что значительные силы могут быть отрезаны или отброшены обратно к морю. В протоколе совещания было отмечено: «Премьер-министр полагает, что в качестве меры предосторожности морскому министерству следует собрать большое количество мелких судов, которые должны быть готовы к выходу в порты и бухты на французском побережье».

Военно-морское министерство начало немедленно действовать со все усиливающимся рвением, так как время шло и положение становилось все более мрачным. Планировалось, если окажется необходимым, проводить эвакуацию из Кале, Булони и Дюнкерка по 10 тысяч человек из каждого порта в сутки. 30 судов типа пассажирских паромов, 10 военно-морских дрейфтеров и 6 небольших каботажных судов были выделены в состав первой очереди. 22 мая морское министерство отдало приказ о реквизиции 40 голландских шхун, которые нашли у нас убежище, и укомплектовании их военно-морскими командами. Во всех английских гаванях была проведена полная проверка всех судов. Эти планы, которые получили название операции «Динамо», десять дней спустя обеспечили спасение армии.

Уинстон Черчилль, «Вторая мировая война».

20 мая офицерам службы морских перевозок в основных британских портах были даны указания взять на учет все малые суда грузоподъемностью до 1000 тонн, включая колесные пароходы и прогулочные суда, и сообщить необходимые данные вице-адмиралу Рамсею в Дувр.

21 мая генералу Горту передали приказ, о котором говорил Черчилль: «двинуть английскую армию в юго-западном направлении и пробиваться через любые препятствия с целью соединиться на юге с французами». В эту же ночь началась практическая разработка плана эвакуации английских экспедиционных сил, о которой говорили на заседании 19 мая. «Перед военным кабинетом стояла тяжелая альтернатива, – писал Черчилль, – английской армии любой ценой, совместно с французами и бельгийцами или без них, пробиваться на юг, на Сомму, – задача, в возможности выполнения которой лорд Горт сомневался, – или же отойти к Дюнкерку и осуществить морскую эвакуацию под бомбами вражеской авиации при полной уверенности потерять всю артиллерию и вооружение, которого было так мало и которое было

так ценно. Выполнение первой задачи было, совершенно очевидно, связано с большим риском, но не было никаких причин, почему бы не принять все возможные предупредительные и подготовительные меры для того, чтобы обеспечить эвакуацию морем в случае провала южного плана».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.